

ЮН.Козырев, ПМКозырева

ДИСКУРСИВНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

Козырев Юлиан Николаевич — кандидат философских наук, старший научный сотрудник.

Козырева Полина Михайловна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник

Людам всегда есть из чего выбирать, когда они, включаясь (например, в качестве респондентов) в процедуру определения своей социальной идентичности, оказываются перед необходимостью как-то осмыслить, прочувствовать факт своей полисоциальности (одновременности пребывания в разных измерениях n-мерного, полиморфически организованного социального пространства), факт обусловленности своего выживания, зависимости возможностей реализации своих жизненных интересов от интегрированности не только "в обществе в целом", но и в конкретных сферах своего взаимодействия друг с другом и с природой. От интегрированности в экономико-политической, социально-культурной организации общества и наконец (а при определенных обстоятельствах и в первую очередь) в его духовной организации (сфере, которую авторы коллективной монографии "Советский простой человек" определили как "социально-антропологическую основу" общества, как "специфическое распределение личностных характеристик, доминирующих в данной общественной системе" [1]).

В первом случае, когда речь идет о собственно социальной, экономико-политической идентичности, самоидентификация связывается с вербализацией людьми их представлений о своем положении в существующей в данном конкретном обществе системе отношений собственности и власти (что, по нашему мнению, только и следовало бы называть "социальной сферой").

Во втором случае, когда речь идет о субсоциальной, социально-культурной идентичности, самоидентификация связывается с артикуляцией людьми их представлений о том положении, которое они, оставаясь субъектами соответствующих отношений собственности и власти (рабочими, крестьянами, служащими, предпринимателями), занимают в наличной системе разделения и кооперации труда, организации всякой деятельности, связанной с участием (или неучастием) в труде, воспроизводстве поколений и в осуществлении власти.

Наконец, в третьем случае, когда речь идет о метасоциальной идентичности, та же самоидентификация связывается с рефлексивным — чувственным и рациональным — отражением людьми их положения в системе социально-нравственных отношений. Отношений уже не просто функциональных (статусных или цензовых, как в предыдущих двух случаях), но собственно человеческих, или, как теперь говорят, гуманитарных. Отношений кроссоциальных и кросскультурных, диалектически отрицающих функциональную стратификацию общества и в то же время являющихся идеальной формой его экономико-политической и социально-культурной организации, способом функционирования и развития собственно социальной и субсоциальной структур. Функционирования и развития, атрибутивно связанных с реализацией членами общества на принципиальной или ситуативной основе двух альтернативно противостоящих друг другу и друг друга взаимно дополняющих стратегий человеческого выживания — стратегии сотрудничества, "социального партнерства" и обеспечения экологической безопасности (ее можно было бы назвать "консенсализм")¹ и противоположной ей по своему духовному, нравственному содержанию стратегии соперничества, "социальной конфронтации" и экологической агрессии ("диссенсализм")². Стратегий, реализация

¹ От лат. *consensio* — единогласие и *consciencia* — совесть. По выражению М.М.Бахтина, ощущение "единства и неисчерпаемости бытия" [2].

² От лат. *dissensio* — разногласие, разлад. По тому же Бахтину, трагедия "индивидуальной отъединенности" [2, с.47].

которых в первом случае оказывается фактором — условием и одновременно результатом — дестратификации общества на разных уровнях его организации. А во втором — практикой реализации принципа партикуляризма, фактором, блокирующим дестратификационные процессы в развитии общества, его движение к консенсуализму, соборности, редуцирующим это развитие к суверенизации индивидуального существования его членов и к их корпоративной солидарности.

В этих условиях выбор "модуса социальной самоидентификации" оказывается по необходимости дискурсивным. Возможность идентифицировать себя с любым из мыслимых или, точнее, находящихся в поле зрения субъекта самоидентификации, интериоризованных им социальных, субсоциальных и метасоциальных стратификационных образований, реализуется в виде определения им собственных индивидуально — и / или корпоративно-личностных характеристик — путем артикуляции в первом случае "Я-", а во втором "Мы-" концепций. В этих — по видимости произвольных — дискурсивных определениях и обнаруживаются идентификационные предпочтения людей, а значит и владеющие их сознанием и чувствами представления как о своем положении в структуре общества, так и о самой этой структуре, характере связывающих их друг с другом отношений, о своем и других людей достоинстве, "социальном качестве". Представления, адекватность которых всегда может вызывать (и с необходимостью вызывает) сомнения, что, однако, отнюдь не мешает этим представлениям оказывать едва ли не решающее влияние на жизненный процесс, на самую топику пространства человеческого существования — как пространства взаимодействия людей друг с другом и с природой. Этим, на наш взгляд, и определяется высокая актуальность обсуждения на страницах именно и в первую очередь социологического журнала вопроса о дискурсивности социальных идентичностей как феномене индивидуального и массового сознания. А значит и соответствующего поведения.

Гипотеза о возможности дискурсивной стратификации общества на основе даваемых его членами определений их индивидуально-личностной и корпоративно-личностной идентичности была реализована в анализе информации, полученной в ходе проведения в декабре 1992 года репрезентативного общероссийского опроса, охватившего 2145 россиян старше 16 лет³. Соответственно этой гипотезе респонденты объединялись в дискурсивные сообщества с учетом идентификационных предпочтений, определивших содержание их ответов на два вопроса. Первый был ориентирован на идентификацию респондентов по их "групповой принадлежности", артикуляцию "Мы-концепций", получение их корпоративно-личностных характеристик: *"В обществе есть разные группы людей. Скажите, пожалуйста, к какой группе вы относите себя?"*. Второй вопрос был ориентирован на артикуляцию респондентами "Я-концепций", выявление их индивидуально-личностных идентификаций: *"Часто несколькими словами можно очень ясно описать человека. Представьте, что вам нужно кратко описать себя. Кто вы?"*

Ответы обнаружили ангажированность респондентов идеями (как мы обозначили их) "представительства", "амбивалентности" и "ординарности". В рамках парадигмы (или дискурса) "представительства" идентификационные предпочтения респондентов выявляют их указания на принадлежность к тем или иным конкретным группам общества, на положение — соответственно интериоризированное — в его триадически организованной структуре (экономико-политическом, социально-культурном и социально-нравственном "измерениях").

В рамках другой парадигмы — "амбивалентности" — идентификационные предпочтения связываются с признанием респондентами факта полисоциальности их положения в обществе, одновременности их пребывания в двух или же во всех трех "измерениях" его структуры⁴.

³ Работа проводилась в рамках исследовательского проекта "Структура общества и власти в зеркале массового сознания".

⁴ В литературе по проблемам личностной идентификации амбивалентность (противоречивость), равно как и неустойчивость, эфемерность, обыденность социальных идентичностей в современном обществе, рассматривается скорее как норма, нежели как патология, ибо индивид постоянно вынужден адаптироваться к изменяющимся условиям реализации своих (также достаточно динамично изменяющихся) интересов, своей индивидуальной и групповой деятельности. Вынужден, подчиняясь обстоятельствам или повинуюсь "внутреннему убеждению", ситуативно ("тактически") или принципиально ("стратегически") входить в различные сообщества, сознавая или интуитивно ощущая зависимость собственного человеческого выживания ("функционирования и развития", реализации своих интересов) от постоянной или временной, необходимой или случайной, глубокой или поверхностной включенности в более или менее широкий круг таких сообществ.

И наконец в рамках третьей идентификационной парадигмы — "ординарности" — соответствующие предпочтения респондентов связываются с описанием своего положения в обществе в терминах "простоты", "нормальности", "усредненности", с переживанием ими своей принадлежности к символическим сообществам людей "простого рода", "обывателей", "рядовых граждан". Характеристика индивида как "простого человека", обладающая, как пишут авторы упоминавшейся уже монографии, "большой порождающей семантикой", примененная для идентификации Homo soveticus, отличается "сложным набором взаимосвязанных значений: массовидный ("как все"), деиндивидуализированный, противопоставленный всему элитарному и своеобразному (мы думаем, что и "социальному дну" в том числе — *авт.*), "прозрачный" (то есть доступный для контроля сверху), примитивный по запросам (уровень выживания), созданный раз и навсегда и далее неизменный, легко управляемый (на деле подчиняемый примитивному механизму управления)" [1, с.8].

Простой человек, однако, не так "прост" и не так "беззащитен", как это может вытекать из приведенных определений. В нашем представлении, объявляя себя "простым", "средним", человек вовсе не поддается "искушению простотой", пользуется этой номинацией не как "вывеской", демонстративным символом "противопоставления всему чуждому миру (включая и внутренний мир человека) как слишком динамичному, сложному, изощренному" [1, с.24]. Декларируя свою "простоту", он как бы стремится успокоить собственную совесть, символически минимизировать ответственность перед самим собой, ближними и дальними за собственное, якобы "ничем не примечательное", "ни на что особенное не претендующее" поведение. За свою ординарность. И даже приблизиться к Богу, убедить, апеллируя к авторитету Всевышнего, окружающих и самого себя в особой нравственной ценности, легитимности своего, избегающего крайностей, отношения к жизни, в позитивном содержании своей "простоты", "нормальности". Тех самых нормальности и простоты, которые, по Клапареду, способствуют сохранению людей как вида [3] и выступают, таким образом, в качестве обоснования законности претензий "обывателей", индивидов "простого звания", "народа", или "простого народа" как символического стратификационного образования, претендующего на некую глобальность в интерпретации своего положения в обществе. И соответственно — на социальную (по отношению к себе и только к себе как большинству) справедливость, на отвечающее их "весу в обществе" "нормальное" вознаграждение, на защищенность от полной экономической и / или политической обездоленности — в качестве оправдания их самоустранения от излишне высокой ответственности, налагаемой наличием собственности и власти, отказа от необходимости заботиться об утверждении своего достоинства, отвечать за качество собственной жизни.

Раз мы "просты", значит свободны от необходимости считаться с чем-либо, кроме собственных личных и / или (в лучшем случае) корпоративных интересов. Значит нам все разрешено, все можно. И что бы мы ни вытворяли с собой, с окружающими нас людьми и с природой — Бог нас простит: "Простоту Бог любит". "Точность — вежливость королей, а мы — простые люди"...

На первый вопрос (о "групповой принадлежности") были получены ответы от 1620 (75%) респондентов, на второй ("Кто вы?") — от 1349 (62,9%). Достаточно большая разница (в 12,1 пункта) может иметь, по крайней мере, два объяснения. С одной стороны, определенная часть респондентов просто не подготовлена к тому, чтобы идентифицировать себя в корпоративном и / или индивидуально-личностном планах, то есть артикулировать свои "Мы-" и в особенности "Я-" концепции (характерный ответ: "Про себя очень трудно говорить"; один из респондентов вообще отверг саму правомерность ставить людей перед необходимостью отвечать на такие вопросы). Суммарно от одной четверти до одной трети взрослых россиян в силу тех или иных особенностей своего интеллектуально и духовного развития попросту лишены возможности адекватно реагировать на вопросы о своем положении в пространстве человеческого существования, определять свою социальную идентичность, "самоидентифицироваться".

С другой стороны, менее интенсивное участие респондентов в обсуждении вопроса об их "Я-концепции", возможно, связано и с их гипертрофированной ангажированностью самой идеей социальности как "партийности", "растворенности индивида в социуме", с убежденностью в бессмысленности партикуляризации. Пожилая женщина, идентифицировав себя в рамках обсуждения "групповой принадлежности" с просто "хорошими людьми", на вопрос "Кто вы?" ответила: "Я жизнь прожила, что тут уже

говорить...". Респондент, идентифицировавший себя с интеллигенцией и потому в принципе имевший возможность как-то артикулировать "Я-концепцию", на вопрос "Кто вы?" ответил: "Не знаю" — что можно интерпретировать и как проявление своеобразного "социального кокетства", подобно ерническому определению "групповой принадлежности" словом "аристократ".

Дискурс представительства. Подавляющее большинство респондентов артикулировали свои "Мы-" и "Я-" концепции, руководствуясь дискурсом представительства: 1307 человек (80,7%) из тех, кто ответил на вопрос о "групповой принадлежности" и 849 (62,9%) из тех, кто согласился охарактеризовать себя в индивидуально-личностном плане.

К дискурсивной общности "представителей" ("актеров") мы отнесли респондентов, которые, отвечая на наши два вопроса, пользовались доминирующими в массовом сознании стереотипами собственно социальной, экономико-политической идентификации, характеризовали себя как "трудящихся", представителей рабочего класса ("пролетариата"), крестьянства, интеллигенции, служащих, мещан, предпринимателей, фермеров и т.д. Кто назвал себя, пользуясь лексикой "социологии улицы" и публицистики, "трудягами", "работягами", "рабочими лошадками", бомжами, социально незащищенными, высоко-, средне- и малооплачиваемыми, нищими, преуспевающими, бедными, мало- и просто неимущими. Кто отнес себя к людям, от которых "ничего не зависит", заявил о своей принадлежности к находящимся "между средним и высоким уровнем ответственности", желающим "жить по справедливым законам" и т.п. То есть всех тех, кто своими ответами на наши вопросы в одних случаях более, в других менее отчетливо продемонстрировал склонность определять собственное положение в обществе, фиксируя связь особенностей своего жизнеустройства ("выживания", "функционирования и развития") с состоянием и динамикой существующих в обществе отношений собственности и власти.

В дискурсивную группу "представителей" мы зачислили и тех респондентов, которые идентифицировали себя по положению в системе разделения и кооперации труда — то есть в социально-культурной организации общества, в его субсоциальной, по нашей терминологии, структуре. Кто, отвечая на наши вопросы, называл себя работниками (чаще всего "хорошими") тех или иных профессий, представителями соответствующих возрастно-половых групп, этнокультурных, семейных и территориальных общностей, учащимися, спортсменами, пенсионерами, отцами семейств, матерями, женами, вдовами, бабушками, домохозяйками, представителями молодежи и т.п. Кто давал себе (ссылаясь на полученное образование или свою неграмотность) иронические и саркастические характеристики типа: "Вол, который пашет"; "тяговая лошадь — и дом и семья и работа"; "с утра до вечера, как белка в колесе". Кто говорил о себе интервьюерам: "Человек, который не понимает, что происходит вокруг"; "человек, который стремится к большему" и т.п.

К той же дискурсивной группе "представителей" мы отнесли и тех респондентов, которые идентифицировали себя по своему положению в социально-нравственной, духовной организации общества, в его метасоциальной структуре. "Что вы под группой понимаете? — отвечает на вопрос вопросом респондент. — Я отношусь к группе людей, которые болезненно переносят развал Союза". Ответ одной из женщин: "Общество делится на честных, справедливых, добрых и не очень. Сама я честная..." "На верующих в Бога и атеистов делится общество. Я бы отнес себя к людям, сугубо верующим" — другой характерный ответ. Запись интервьюера в анкете: "Респондент относит себя к группе оптимистов". Ответ на вопрос "Кто вы?": "Человек — спокойный, уравновешенный, ответственный. Одним словом, неплохой...".

К категории "представителей" метасоциальных групп общества мы отнесли и тех респондентов, кто описывал "себя лично", ссылаясь на принадлежность к числу экстравертов или интровертов, на знаки Зодиака или темперамент, кто относил себя к категории людей, имеющих "чувство достоинства", умеющих "добиваться своих целей", кто говорил о себе: "Я очень противоречивая натура" и т.п.

В суммарном виде идентификационные предпочтения респондентов, сформулировавших свои "Мы-" и "Я-" концепции в дискурсе представительства, выглядят следующим образом (табл.1).

Смена концептуального содержания идентификации при переходе от определения "групповой принадлежности" к индивидуально-личностному самоопределению, как можно видеть, радикально трансформирует структуру идентификационных

предпочтений людей. В первом случае с цензовыми (собственно социальными и субсоциальными) стратификационными образованиями идентифицировали себя 86,3% респондентов, во втором — лишь 30,1 %. Соответственно интенсивность идентификации с метасоциальными стратификационными образованиями увеличилась на 56,2 пункта (с 13,7% до 69,9%).

Таблица 1
Идентификационные предпочтения респондентов-"представителей", %

Респонденты	Представители социальных групп	Представители субсоциальных групп	Представители метасоциальных групп
Отвечившие на вопрос о "групповой принадлежности" N=1307	49.2	37.1	13.7
Отвечившие на вопрос "Кто вы?" N=849	5.1	25	69.9

Дискурс амбивалентности. Общее число респондентов, артикулировавших свои "Мы-" и "Я-" концепции в следующем дискурсе — амбивалентности — составило 110 человек (6,8% всех ответивших на наш первый вопрос) и 295 (21,9% ответивших на вопрос: "Кто вы?"). От этих респондентов (коротко — "амбивалентников", людей, не ограниченных в своих идентификационных предпочтениях, или, как предлагает их называть В.А.Ядов, "социально дезориентированных", "не нашедших себя") были получены в одних случаях глобалистские (синкретические или "неопределенные", "расплывчатые") ответы, позволяющие считать, что респонденты идентифицируют себя по положению "в обществе в целом", во всех трех "измерениях" своего индивидуального и одновременно совместного друг с другом существования (социальном, субсоциальном и метасоциальном). В других случаях — фрагментарные, связывающие идентификацию с констатацией одновременности своего пребывания либо в социальной и метасоциальной структурах общества, либо в его социальной и субсоциальной структурах, либо, наконец, в субсоциальной и метасоциальной структурах.

В рамках "идентификационного глобализма" находит отражение восприятие людьми их жизненного пространства как некоей неструктурированной целостности, как "общества вообще", ощущение зависимости их "выживания" от "положения дел в стране", от "существующего строя" и т.д. Такой подход обнаруживается в 45% ответов "амбивалентников" на вопрос о "групповой принадлежности" и в 83% (!) их ответов на вопрос: "Кто вы?".

Иллюстрацией "глобалистского" подхода респондентов к решению вопроса об их социальной идентичности может служить запись интервьюера в одной из анкет: "Респондент не делит общество на группы людей". Глобализм получает негативную форму анахоретизма, социальной иммиграции, приобретает отрицательное значение, когда респонденты, отвечая на вопрос о том, к какой группе общества они себя относят, говорят: "Ни к какой". Или: "Я не отношу себя ни к какой группе, всегда стараюсь жить сам по себе, самостоятельно, чтобы поменьше зависеть от других" — то есть от "общества в целом".

Правомерность представления общества как триединства его социальной, субсоциальной и метасоциальной структур одновременно и отрицается и признается респондентами. Примеры такой амбивалентности: "Различаю возрастные, социальные, территориальные группы людей, классы. Я — студент, интеллигент, житель Поволжья". Или, отвечая на вопрос "Кто вы?", идентифицируют себя одним-единственным словом: "человек" — с помощью номинации, определяющей нашу всеобщую интегрированность в "род человеческий" как суперсоциум, Интегрированность, символически отрицающую любую корпоративность, а значит и саму возможность признания конструктивности, функциональной необходимости стратификационных барьеров, разделяющих членов конкретного общества.

Категория "глобалистов" представлена респондентами, ответы которых содержат в себе общие оценки их жизненного положения, Например: "любящая и любимая", "ненужный обществу человек", "человек, растоптанный страной", "изгой системы",

"человек, получивший от жизни все, что хотел", "невысокая личность", "человек, довольный семьей и недовольный жизнью", "раба своего времени", "раба божья", "коммунист, не построивший коммунизм" и т.д.

Как можно видеть, в этих контекстах "жизнь" (хорошая или плохая), "судьба", "система", "время", "история", "страна" — не более чем парафразы социума, "общества в целом", жизненного пространства как такового, а "счастье — несчастье", "везение — невезение", "побитость — обласканность жизнью", "высокая личность — невысокая личность", сама близость к Высшему и т.п. — парафразы жизненного положения, дислокации в жизненном пространстве безотносительно к его топике, структурной расчлененности.

Примеры идентификационного глобализма, связанного с констатацией респондентами факта их интегрированности во всех трех ипостасях жизненного пространства в ответах на вопрос о "групповой принадлежности": "положительный человек" (фиксация положения в духовной организации общества), "рабочий" (в его экономико-политической организации), "семьянин" (в социально-культурной), "молодой рабочий, оптимист" (фиксация положения соответственно в социально-культурной, экономико-политической и социально-нравственной организации общества). Такого же рода примеры при ответах на вопрос "Кто вы?": "нищий разочаровавшийся артист"; "ответственная, исполнительная, обязательная, хорошая хозяйка и мать"; "работаю, люблю свободу, деньги, хочу быть богатым"; "старая женщина, но силы еще есть, живу плохо, но стараюсь как-то это положение изменить".

Фрагментарные ответы, связывающие идентификацию "амбивалентников" с констатацией ими своей интегрированности в одной из трех "парных комбинаций" "сфер" социального пространства, составили при ответах на оба вопроса соответственно 55 и 17%. Одна из таких комбинаций, связанная с "бинарной", если можно так выразиться, идентификацией респондентов по их положению в экономико-политической и духовной организации общества, собрала голоса "амбивалентников", которые, отвечая на вопрос о "групповой принадлежности", говорили о себе, например: "я — небогатый оптимист"; "я отношусь к группе людей, ввергнутых в нищету, лишенных перспектив и надежд"; "я отношусь к людям, которым безразлично, кто правит. Главное, чтобы была свобода и деньги". И отвечая на вопрос "Кто вы?": "добросовестный труженик", "честный трудяга" и т.п. Здесь люди определяют, с одной стороны, некоторые моменты собственной духовной организации, с другой — свои позиции в экономико-политической организации общества.

В следующей топонимической комбинации речь идет об "амбивалентниках", чьи ответы фиксируют связь их жизнеустройства с "бинарной" интеграцией в социальной и субсоциальной структурах общества, в сфере экономико-политических и социально-культурных отношений. О тех, кто, определяя свою "групповую принадлежность", говорил, например: "инженер, все потерявший из-за инфляции", "пенсионерка — бедная и бесправная", "синий воротничок, интеллигент", "труженица, раба семьи" и т.п.

Третья "бинарная" комбинация социальной идентичности, включившая в себя в нашем анализе социально-культурную и духовную организацию общества, собрала голоса "амбивалентников", которые, артикулируя, в частности, свои "Мы-" концепции, говорили о себе: "старые люди, но крепкие и думающие, знающие жизнь"; "молодая, любящая жизнь и людей женщина"; "учающаяся молодежь, по сути разгильдяи и повесы"; "свободный человек, люблю природу, рыболовство и охоту". И отвечая на вопрос "Кто вы?": "человек, занимающийся любимым делом, дружелюбный, общительный"; "умный и честный еврей"; "неплохой специалист, хороший семьянин"; "отец, люблю жену, ребенка"; "плохой мужик, все проездил" и т.п.

Суммарно сказанное об идентификационных предпочтениях "амбивалентников" может быть представлено следующим образом (табл.2).

Корпоративно-личностное самоопределение, как можно видеть, связано с примерно равным распределением идентификационных предпочтений "амбивалентников" между глобализмом и бинарной фрагментарностью в восприятии ими структуры социального пространства. Что же касается индивидуально-личностного самоопределения, то оно явным образом тяготеет к глобализму соответствующих оценок.

Таблица 2. Идентификационные предпочтения "амбивалентников", %

Респонденты	"Глобалисты"	"Бинарники"
-------------	--------------	-------------

Отвѣтившие на вопрос о "групповой принадлежности" N=110	45	55
Отвѣтившие на вопрос "Кто вы?" N=295	83	17

Дискурс ординарности. Этим третьим (и последним в нашей модели) дискурсом социальной идентификации воспользовались 203 человека (17,5%) из числа тех, кто ответил на вопрос о "групповой принадлежности" и 205 (15,2%) — из числа ответивших на вопрос: "Кто вы?". Для краткости идеографически будем называть этих людей "простаками", исходя из того, что "простак" — это и есть, как пишет В.И Даль, "простой человек", человек "простой руки", "простого разбора" [4]. Именно "простого", "срединного", одинаково далекого от крайних позиций, занимаемых в обществе людьми как "особого", "высшего", так и "низшего" разбора, представителями истеблишмента, с одной стороны, и "социального дна" — с другой.

В нашем анализе в категорию "простаков" были зачислены респонденты, которые реализовали свои идентификационные предпочтения, оценивая собственное положение в обществе тремя способами. Во-первых, те (обозначим их условно как "А-группу"), чьи ответы содержали прямые заявления о некоей "усредненности" их жизненного положения, об их принадлежности к таким стратификационным образованиям, как "среднее сословие", "средний слой". В общей численности опрошенных эта группа составила менее одного процента. Декларируя ординарность своего положения, эти респонденты называли себя "средними людьми" — как выразился один из них, "средними во всех отношениях...", если иметь в виду материальное положение, образование, перспективы роста в карьере".

Во-вторых, в категорию "простаков" мы зачислили тех (назовем их "Б-группой"), кто, оценивая свое жизненное положение в общей форме, безотносительно к топике социального пространства, прокламировал свою "обыкновенность", "простоту", "типичность", "нормальность", "умеренность", свой статус "маленького" или "рядового" человека, "винтика" и т.п. Таких в общей численности "простаков" оказалось в случае с групповой идентификацией 46,8% и при ответах на вопрос "Кто вы?" — 32,7%.

И, наконец, в-третьих, к числу "простаков" были отнесены респонденты ("В-группа"), в ответах которых прокламация "простоты", "нормальности", "обычности" и т.п. конкретизировалась указаниями на положение, которое они занимают в социальной, субсоциальной или метасоциальной структурах общества. Таких в случае с групповой идентификацией оказалось 42,9% общего числа респондентов, идентифицировавших себя с использованием дискурсов и "представительства" и "ординарности"; в случае с артикуляцией "Я-концепций" — 57,5%. Это те, кто, например, говорил о себе: "Я обычный средний человек, студентка"; "я инженер, отношу себя к средней категории"; "скромная, обыкновенная, как все, стараюсь не выделяться"; "средних способностей, добрый"; "умеренный человек, стараюсь жить незаметно"; "обыватель, нормальный человек"; "я — "маленький" человек, очень нуждающийся в духовной поддержке "больших людей"; "обычный человек, как все. Спокойный, мирный, без претензий" и т.д.

В обобщенном виде приведенные данные выглядят следующим образом (табл.3).

Изменение содержания идентификационной парадигмы, как можно видеть, если и влияет на соответствующие предпочтения респондентов, то лишь постольку, поскольку дело касается уровня конкретности в прокламировании ими своей "простоты". Уровень этот более высок в ситуации, когда респонденты отвечают на вопрос "Кто вы?" (57,5% в сравнении с 42,9%, разница — 14,6 пункта).

Отметим, что только 37 человек (менее двух процентов опрошенных) идентифицировали себя, оставаясь в рамках дискурса ординарности, при оценке своей "групповой принадлежности" и при артикуляции "Я-концепции". Для сравнения: такое постоянство в случае с реализацией дискурса представительства проявили 564 человека (26,3% участников опроса), а в случае амбивалентной идентификации — всего 21 человек (менее одного процента). В подавляющем числе случаев респондент, фиксируя особенность своего положения в социальной, субсоциальной или метасоциальной структурах общества, решает уже не идентификационную, а политическую задачу. Прокламируя свою ординарность, "ничем-не-примечательность", "простоту" и т.д., свою принадлежность к некоему символическому большинству ("я такой, как все"), он стремится убедить и себя и окружающих (в частности, и интервьюера) в значимости того положения, которое занимает как представитель этого большинства в политической организации общества, в своей оппозиционности к "социальной периферии",

представляемой истеблишментом ("верхами") и обитателями "социального дна". Надо сказать, что и сами популистски ориентированные представители "верхов" (по-видимому, заботясь о политическом имидже) отнюдь не чужаются использовать дискурс ординарности при определении своего положения в структуре общества, демонстрируя свою "простоту", доступность, расцветывая свою речь ненормативной лексикой и т.п.

Идентификация с использованием дискурса ординарности "стирает" границу, отделяющую эту последнюю как знак принадлежности к "большинству", от "особости", оригинальности, определяемой принадлежностью к тем или иным статусным (экономико-политическим и социально-культурным) стратификационным образованиям. Она служит имплантации в массовое сознание представления о "простых людях", "простом народе", "массах" как о неких статусных образованиях, каковыми на деле они, конечно же, не являются, оставаясь образованиями сугубо символическими, элементами метасоциальной структуры общества, его социально-нравственной, духовной организации, имплицитной Модификацией, инобытием последней.

Таблица 3 Идентификационные предпочтения "простаков", %

Респонденты	"А-группы"	"Б-группы"	"В-группы"
Ответившие на вопрос о "групповой принадлежности" №203	10.3	46.8	42.9
Ответившие на вопрос "Кто вы?" №205	9.8	32.7	57.5

Зададимся вопросом: а не является ли "синдром ординарности" парафразой того, что можно было бы назвать не только образом "маленького человека", "винтика", но и своеобразной демонстрацией символического права "простых людей", собственно "народа" на тоталитарное доминирование в системе плюралистической, плебисцитарной (или "количественной", по определению Г.Х. Попова) демократии? В случае утвердительного ответа на этот непростой вопрос возникает предположение: именно "маленький", "простой" человек представляет социальную опору различного рода авторитарных режимов, живучесть которых обеспечивается "диктатурой большинства". Ведь, как можно было убедиться, синдром ординарности отнюдь не предполагает абсолютного смирения и не является фактором, препятствующим высокой самооценке. Ситуация, заслуживающая, на наш взгляд, специального обсуждения — недаром же самоуничижение (мы — как все, рядовые, заурядные, "винтики" и т.д.) почитается "паче гордости". Не с дурьего же ума "простым людям", "рядовым избирателям" и т.п. адептами плюралистической, плебисцитарной демократии (равно как и идеологами современного, в том числе и российского, фашизма) все чаще и все настойчивее приписывается почетная роль едва ли не главных гарантов стабильности "современного цивилизованного общества". Роль некоей "третьей силы", символически противостоящей как люмпенам, так и "истеблишменту" (экономическому, политическому, культурному, уголовному), тем, "кто ни на что не годится", и тем, "кто много о себе понимает". Роль опоры "нового порядка" в его посткапиталистическом или постсоветском изданиях.

Наши "простаки", таким образом, как бы заявляют о своем праве на то, чтобы их идентифицировали как субъектов в первую очередь экономико-политической и / или социально-культурной, а не только духовной деятельности. Или — в практическом плане — демонстрируют обостренное осознание обидной (реальной или мнимой, в данном случае не имеет значения) ущербности своего положения по отношению к "верхам" и превосходства по отношению к обитателям "социального дна". И соответственно своего права на доминирование в системе плюралистической, плебисцитарной демократии в качестве "большинства", праве подавлять все, что это "большинство" не устраивает. И одновременно — на имманентную такой "количественной" демократии (как и тоталитаризму) безответственность.

Кто же они — "простые люди"? Анализ перекрестных таблиц, отражающих распределение респондентов по дискурсивным и цензовым основаниям их идентификации, а также по характеру их духовной организации (общественно-политическим ориентациям, ангажированности идеями консенсуализма и диссенсуализма), позволяет лучше понять контекст того жизненного пространства, в

котором индивиды склонны идентифицировать себя в качестве "простых людей".

Сопоставляя соответствующие данные по выделенным выше дискурсивным группам, можно, как нам кажется, отметить по меньшей мере три заслуживающих внимания обстоятельства. Во-первых, очевидный факт изменения дискурса самоидентификации, оценки респондентами своего положения в обществе при переходе от артикуляции корпоративно-личностных характеристик к определению характеристик индивидуально-личностных. В частности, артикулируя свои "Мы-концепции", мужчины пользуются дискурсом представительства чаще, чем женщины. Последние же, наоборот, пользуются этим дискурсом чаще при артикуляции "Я-концепций". Они, по-видимому, более склонны к тому, чтобы "переживать" (по К.С. Станиславскому) свое положение, свои "жизненные обстоятельства", в то время как мужчинам больше нравится действовать "по Б. Брехту" — в логике "школы представления", предполагающей относительное отчуждение субъекта от исполняемой роли (в нашем случае "социальной").

То же самое наблюдается в других группах: менее образованные больше склонны "вживаться" в роль "простаков", как и пожилые люди в сравнении с более молодыми и не занятые умственным трудом в сравнении с теми, для кого источником средств существования является именно такой труд.

Респонденты, прокламирующие свою "простоту", ординарность, артикулируя свои "Мы-концепции", идентифицируют себя со статусной общностью "имеющих власть" чаще, чем те, кто не участвует в ее осуществлении на институциональной основе. И наоборот — артикулируя свои "Я-концепции", делают это несколько реже, чем "не имеющие власти". Вместе с тем "простаки", артикулируя свои "Я-концепции", заметно чаще, чем представители двух других дискурсивных групп, относят себя к числу людей, недостаточно уважаемых окружающими ("малоуважаемых"), и при этом чаще говорят о том, что заслуживают более уважительного к себе отношения.

Второе отмеченное обстоятельство: оказавшаяся в нашем распоряжении информация не обнаруживает связи между материальным благосостоянием людей и их ангажированностью идеей принадлежности к дискурсивной группе "простаков". Это утверждение проверялось особенно тщательно, с помощью построения сводного индекса материального благосостояния (показателя, обобщающего свидетельства опрошенных об их доходах, жилищных условиях, обеспеченности предметами длительного пользования и т.п.). Таблица 4 позволяет увидеть, что, вопреки "очевидности", в цензовой группе "высокообеспеченных", выявленных по результатам артикуляции респондентами их "Мы-концепций", "простаков" несколько больше, чем в группе "малообеспеченных", и заметно больше, чем среди "среднеобеспеченных" — тех, кого обычно считают представителями так называемого среднего класса. Судя по результатам артикуляции респондентами их "Я-концепций", "простаков" среди "малообеспеченных" все же больше, чем в составе двух других цензовых групп (и в данном случае меньше всего "простаков" оказалось в группе все тех же "среднеобеспеченных"). Статистически, однако, эти различия несущественны, и зависимость между самоотнесением респондентов к числу "простых", "обычных" людей и их материальной обеспеченностью практически не фиксируется. Это принципиально исключает возможность представления дискурсивной группы "простаков" как цензового стратификационного образования — элемента экономической организации российского общества.

Таблица 4

Распределение респондентов, в разной степени обеспеченных средствами удовлетворения материальных потребностей, по дискурсивным основаниям артикуляции социальной идентичности, %

Респонденты	"Представители"	"Простаки"	"Амбивалентники"
В рамках "Мы-концепции"			
"Малообеспеченные" N=308	82.5	11	6.5
"Среднеобеспеченные" N=176	83.9	8.4	7.7
"Высокообеспеченные"	78.4	13.8	7.8

N=283			
В целом по массиву N=767	81.3	114	7.8
В рамках "Я-концепции"			
"Малообеспеченные" N=271	64.7	16.3	19
"Среднеобеспеченные" N=144	63.6	13.2	23.2
"Высокообеспеченные" N=269	65.2	14.2	20.6
В целом по массиву N=684	64.7	14.8	20.5

Наконец, третье обстоятельство: наш анализ позволяет предположить, что артикуляция респондентами своей социальной идентичности как принадлежности к "классу простых людей", определение ими своего положения в обществе в дискурсе ординарности практически не связаны со статусными (цензовыми) характеристиками этого положения. Такое определение гипотетически может быть представлено как вербализация людьми их социального самочувствия, духовной организации, владеющих их сознанием и чувствами представлений об их достоинстве — собственном (человеческом) и корпоративном (социетальном). И одновременно о необходимости и возможностях утверждения этого достоинства в рамках (или на основе) выбора между индивидуализацией и корпоративной ангажированностью существования, между необходимостью обеспечения личных и общих (в первую очередь групповых) интересов — при фактическом игнорировании необходимости выбора между этими двумя основаниями человеческой активности и интересами общечеловеческими.

Высказанное утверждение подкрепляют следующие фактические основания. Респондентам была предоставлена возможность, пользуясь пятибалльной шкалой, выразить свою удовлетворенность (или неудовлетворенность) различными сторонами своего существования по двенадцати позициям: работой на момент опроса; тем, как они проводят время после работы или учебы; полученным образованием; своим материальным положением; жилищными условиями; состоянием своего здоровья; тем, чего они добились в жизни; их отношениями в семье; условиями жизни в данной местности; своим участием в жизни общества; отношениями с людьми и своей жизнью в целом.

Предполагалось также, пользуясь той же пятибалльной шкалой, оценить возможность взаимопонимания, сотрудничества, установления отношений социального партнерства или конфронтации между восемью категориями людей, представляющих разные стратификационные, экономико-политические, социально-культурные и духовные образования. Это люди с разными религиозными взглядами; разных национальностей; горожане и сельские жители; верующие в Бога и не верующие; принадлежащие к "верхам" общества и к его "низам"; занятые физическим трудом и трудом умственным; люди разных поколений; богатые и бедные.

Наконец, респонденты имели возможность поделиться своими оценками влияния на их жизненное положение и жизнь их семей тех изменений, которые произошли в обществе за год, предшествовавший опросу, и могут произойти в следующем году.

Опираясь на средние значения данных об относительной частоте "голосов", свидетельствующих о негативном, позитивном и умеренном отношении к перечисленным выше двадцати четырем аспектам существования, мы стратифицировали опрошенных по их положению в политической и одновременно духовной организации общества. Были выделены три "страты", или типологические группы. Первую мы условно назвали "оппозиционерами", считая, что негативное отношение людей к происходящему в обществе предполагает и оппозиционность к существующим в нем Порядкам. "Оппозиционеры" в нашей интерпретации — это люди, которые в силу неудовлетворенности своим жизненным положением, ангажированности идеей диссенсализма ("социальной конфронтации") представляют социальную базу "духовной оппозиции" как происходящим в обществе изменениям, так и иницилирующим их властям и объединениям граждан. Вторая условная типологическая группа — "либерал-консерваторы" — вследствие удовлетворенности жизненным положением и / или ангажированности идеей консенсализма ("социального партнерства"), позитивного

отношения ко всему, что способствует сохранению и повышению уровня и качества их жизни, представляет социальную базу "духовной поддержки" осуществляемых реформ либо, при определенных (нуждающихся в изучении) условиях — сохранения статус-кво в экономико-политической, социально-культурной и духовной организации общества. И третья группа — "центристы", те, кто в силу разных причин занимает в своем отношении к происходящим в обществе событиям промежуточную позицию и представляет "подавляющее большинство". Это социальная база и тоталитаризма и "количественной" демократии как отнюдь не альтернативных форм политической организации общества. И соответственно — социальная база политических движений: при одном стечении обстоятельств — левого и правого экстремизма, при другом — либерализма и консерватизма.

Распределение "простаков" по их политическим ориентациям или ангажированности идеями отрицания существующих в обществе порядков, "трезвого", "умеренного" и позитивного к ним отношения, как можно видеть, практически полностью совпадает с соответствующим распределением в других дискурсах. В конечном счете оказывается, что наши "простаки" ничем не отличаются от тех, кто, занимая аналогичное положение и имея те же основания говорить о себе "мы такие, как все", избежал, участвуя в опросе, соблазна опрощения, вербального "растворения в социуме"; кто связал артикуляцию своих "Мы-" и "Я-" концепций с демонстрацией ангажированности корпоративными и общественными интересами (табл.5).

Таблица 5
Распределение респондентов по содержанию их социального самочувствия, политической ориентации, %

Респонденты	"Оппозиционеры"	"Центристы"	"Либерал-консерваторы"
В рамках "Мы-концепции"			
"Представители" N=1307	33.1	25	41.9
"Простаки" N=203	32.7	24.2	43.2
"Амбивалентники" N=110	32.3	25.1	42.6
В целом по массиву N=1620	32.9	25	42.1
В рамках "Я-концепции"			
"Представители" N=849	32.5	24.6	42.9
"Простаки" N=205	35.1	24.5	40.3
"Амбивалентники" N=295	33.9	24.1	42
В целом по массиву N=1349	33.3	24.4	42.3

Может возникнуть сомнение: не являются ли наши данные выражением элементарной статистической закономерности гауссова (нормального) распределения? Согласно такому распределению середина "колокола" всегда более наполнена в сравнении с его "хвостами", как выражаются статистики. Нет, в нашем случае это не так, ибо отнесение определенной части респондентов к разряду "простаков" не имеет ничего общего со статистическим. Оно выполнено путем качественного анализа свободных ("диспозитивных") самоопределений опрошенных в пространстве их экономико-политического, социально-культурного и социально-нравственного взаимодействия друг с другом ("социального бытия").

Почему категория "простаков" при статистических выкладках оказалась практически равно представленной по большинству других параметров — социально-демографических, социо-статусных, по особенностям оценок общественной ситуации, удовлетворенности различными сторонами жизни? Мы отвечаем на этот вопрос

достаточно уверенно: потому, что ощущать себя "простым человеком" — значит решать по меньшей мере две взаимосвязанные задачи. С одной стороны, осознавать, переживать, артикулировать (отнюдь не всегда заботясь об адекватности артикуляции) усредненную скромность, ординарность своего жизненного положения. И с другой — с расчетом на политический эффект прокламировать необходимость сохранения или изменения этого положения.

Именно поэтому может быть сделан лишь один вывод: так называемый "класс простых людей" в массовом сознании отнюдь не является самостоятельным статусным (цензовым) стратификационным образованием, рядоположенным с другими экономико-политическими и социально-культурными общностями. Как мы убедились, люди, пользующиеся для своей социальной идентификации дискурсом ординарности, декларирующие тем или иным способом свою "обычность", принадлежность к "простому народу", "большинству", присутствуют в любых цензовых общностях, как бы они ни назывались. Таким образом, то, что мы идеографически определили словом "простаки", есть не более чем символическое стратификационное образование, элемент духовной организации, метасоциальной структуры российского общества, вербальное воплощение особых состояний сознания достаточно большого числа россиян — от одной восьмой до одной шестой части взрослого населения России — ангажированных идеей пребывания в ее политическом пространстве в качестве реальной общественной силы. В качестве массы людей "разного звания", противоречиво ориентированных, с одной стороны, на доминирование (как "подавляющего большинства") и с другой — на самоустранение от ответственности за политические действия, предпринимаемые в рамках реализации принципов как плюралистической, плебисцитарной ("количественной") демократии, так и тоталитаризма.

Не исключено, что описанное мироощущение, во многом определившее наше прошлое, отчетливо заявляющее о себе сегодня, обнаружит свое "судьбоносное" значение и в нашем будущем. Это улавливают политики-популисты (правые и левые), и, кто знает, не сыграет ли описываемый духовный синдром — синдром ординарности — еще одну (теперь уже наверняка последнюю) трагическую "шутку" в российской истории. "Шутку", за которую придется расплачиваться будущим поколениям граждан, более склонных, как мы надеемся, к самостоятельному, деятельному и при этом политически ответственному участию в возрождении России. Россиянам, приверженным идее социальной демократии, конструктивного сотрудничества и экологической безопасности, идее консенсуализма — собственно человеческого выживания при равной для каждого возможности реализовать личные, корпоративные и общечеловеческие способности и интересы в условиях уже не "количественной", а "качественной" (или, как это определил в свое время Карл Ясперс [5], "живой") демократии. Действительная (обеспеченная законодательно, материально, духовно) свобода творчества в разрешении противоречий нашего индивидуального существования и нашего же общего экономико-политического, социально-культурного и духовного развития так же несовместима с присутствием в индивидуальном и массовом сознании, в основаниях и содержании нашей социальной идентичности, в нашем поведении, взаимодействии друг с другом и с природой синдрома ординарности, как несовместимы гений и злодейство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М.: Мировой океан, 1993. С.5.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. С.45.
3. Ананьин С.А. Интерес по учению современной психологии и педагогики. Киев, 1915. С.445.
4. Даль В.М. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.3. М.: Русский язык, 1980. С. 513.
5. Ясперс К. Куда движется ФРГ? Факты. Опасности. Шансы. М.: Международные отношения, 1969. С.38.